Бурятские народные сказки

Солнечный цветок

На краю благодатной долины, на берегу быстрой реки, под мышкой у ледяной горы стоял маленький аил. В том аиле жил небогатый человек по имени Наран-Гэрэлтэ. И была у него дочка-красавица Наран-Сэсэг, что означает Солнечный ;веток.
Повадился гостить под их кровом один тибетский лама. Уж больно понравилась ему красавица Наран-Сэсэг, и решил лама увезти ее из родительского дома. И хитрил он, и золотые горы сулил, и запугивал бедную девушку – ничего не помогало. Тогда решился лама на последнее средство: выждал он удобный момент и напоил девушку отваром семи трав, одна из которых была ядовитой.
И дня не прошло как захворала Наран-Сэсэг. Потух ее солнечный взгляд, поблекли маковые щеки, лежит она, не вставая с постели. А несчастный отец места себе не находит, не знает, что и делать. Кинулся он все к тому же ламе, привел его в дом и говорит:
– Заклинаю тебя бурханом (Бурхан - бог, божество), найди причину болезни моей единственной дочери и помоги вылечить ее!
Напустил лама на себя важный вид, помудрил над желтой книгой судеб, а потом и говорит:
– Вашу дочь требует к себе Черный Лусад-хан. Только этому водяному под силу исцелить Наран-Сэсэг. Если по доброй воле не пошлете больную дочь к Лусад-хану, она не проживет и недели А если поторопитесь, глядишь, и вернется она в скором времени живой и здоровой.
Очень огорчило отца такое требование.
– Да мы и дороги к Лусад-хану не знаем, – говорит он.
– Об этом не беспокойтесь. Все хлопоты я беру на себя, – заверил лама и, не мешкая, принялся за дело. Приказал он плотникам сколотить сосновый ящик, да такой, чтобы в него вода не просочилась и чтобы Наран-Сэсэг в нем уместиться могла. Положили на дно самую лучшую одежду вместе с украшениями и запас еды на неделю.
Перед тем как самой войти в ящик, Наран-Сэсэг обратилась к отцу с последней просьбой:
– Отпустите со мной рыжую собаку Гуриг, больше мне ничего не надо.
Так и сделали: посадили вместе с девушкой в сосновый ящик рыжую собаку Гуриг, закрыли крышкой и заколотили накрепко гвоздями.
– А теперь поднимитесь вверх по реке и пустите ящик по течению, по самой стремнине, – научает лама. Сам же сел на коня и поскакал берегом к низовью реки. Приехал домой и говорит семерым своим послушникам-хуваракам (Хуварак - послушник, ученик ламы):
– В скором времени сюда приплывет сосновый ящик. Поймайте его, бережно вытащите на берег, внесите в дом и поставьте перед божницей. Да смотрите, крышки не открывайте, не то большой грех получится!
Кинулись хувараки выполнять приказание.
Тем временем ехал берегом парень-пастух на своем сивом быке. Видит – плывет по стрежню реки деревянный ящик, на волнах качается.
«Что бы это могло быть?» – подумал парень.
Мигом сбросил он одежду и поплыл наперерез ящику. С большим трудом вытолкал парень свою находку на берег, отодрал крышку – и вышла из ящика девица невиданной красоты.
– Вынь со дна все, что найдешь. Только не выпускай рыжую собаку Гуриг, – говорит Наран-Сэсэг своему спасителю.
Оставил парень рыжую собаку Гуриг в ящике, снова заколотил крышку и столкнул в воду. А сам сел на сивого быка, посадил позади себя красавицу Наран-Сэсэг и не спеша поехал к своей избушке.
– Чей ты будешь? Чем живешь? – спрашивает его дорогой Наран-Сэсэг.

– Я – бедный пастух, – отвечает парень. – Кормлюсь остатками с ханского стола, да еще собираю в степи зерна гречихи, выкапываю сладкие корни саранки, тем и живу.
Рассказала и Наран-Сэсэг о себе, а когда вошли они в бедную избушку пастуха, когда увидала девушка холостяцкий беспорядок да грязь по колено, то, засучив рукава, взялась за дело: что надо было вычистить – вычистила, что надо было выскоблить – выскоблила, и приняло жилище пристойный вид.
А семеро хувараков сидят на берегу, ждут, когда ящик покажется.
– Плывет, плывет! – закричал наконец самый глазастый из них.
Схватили хувараки железные крючья, вытянули ящик на берег. Дружно взвалив на плечи, отнесли его в дом своего учителя и поставили перед божницей.
– Все ли сделали, как я наказывал? – спрашивает их лама. – Не обронен ли ящик по дороге? Не открыта ли его крышка?
– Да разве мы посмеем вас ослушаться, ламбагай (Ламбагай - почтительное обращение к ламе), – отвечают семеро хувараков.
– Тогда исполните еще один мой наказ, – говорит им лама. – Отправлйтесь за семь перевалов, посмотрите, как там люди живут. Да сильно не торопитесь, возвращайтесь не раньше завтрашнего вечера.
Отправились хувараки за семь перевалов. А лама кинулся открывать заветный ящик. От предвкушения близкой встречи с красавицей Наран-Сэсэг спутал лама слова молитвы с песенкой о двух влюбленных. «Потерпи, солнцеликая! Потерпи яснооkая! – мурлычет лама себе под нос. – Сейчас я выпущу тебя!» С этими словами заскрежетал последний гвоздь, открылся ящик, и вышла оттуда не солнцеликая Наран-Сэсэг, а огромная рыжая собака. Ощетинилась она при виде ламы, бросилась на него и разорвала в мелкие клочья, а останки своим огненно-рыжым хвостом по ущелью размела.
Долго кликали своего учителя вернувшиеся на другой вечер хувараки, да так и не дозвались.
А парень-пастух ни на шаг от своей красавицы-жены не отходит, день и ночь ею любуется, налюбоваться не может. Совсем забыл о том, что он единственный в доме добытчик.
Вот когда съестные припасы кончаться стали, Наран-Сэсэг и говорит мужу:
– Сходил бы ты за зернами гречихи, за корнями саранки.
В ответ на это муж еще пристальнее уставился на нее, глаз оторвать не может.
Тогда Наран-Сэсэг нарисовала на бересте свой портрет и отдала мужу со словами:
– Теперь я всегда буду с тобой.
Сел пастух на своего сивого быка и отправился в степь поискать чего-нибудь съестного. Проедет немного, вынет бересту из-за пазухи, посмотрит на портрет и дальше правит. На одном из перевалов вынул парень бересту в очередной раз, но налетевший вихрь вырвал ее из рук унес портрет невесть куда.
Весь в слезах воротился парень домой и поведал жене о случившемся.
– В какую сторону унесло бересту? – спрашивает жена.
– В южную, – отвечает парень сквозь слезы.
– Вот это хуже всего, – опечалилась Наран-Сэсэг. – Хан южных владений давно разыскивает меня. Если к нему в руки попадет мой портрет, то по твоим горячим да по остывшим следам он найдет нашу избушку. Как нам быть тогда? Как оборониться от беды, если у тебя кроме железной лопаты, а у меня кроме тонкой иглы другого оружия нет?
Совсем загрустили они. Сидят, обнявшись. Вверх поднимут глаза – засмеются не по-доброму, вниз опустят – зарыдают горько-горько.
– Если меня похитят, ты все равно не забывай обо мне, – говорит Наран-Сэсэг своему мужу. –

Ищи непрестанно, расспрашивай обо мне бывалых людей. Вот тебе золотое колечко. Когда узнаешь о месте моего заточения, дашь о себе знать этим кольцом.
Словно черный вихрь, налетели на следующий день чужие люди на избушку и похитили Наран-Сэсэг.
Погоревал парень день, потужил другой, а потом оседлал сивого быка и отправился на поиски своей жены. Целый год скитался он по степным да таежным дорогам. Наконец повстречался ему старик-табунщик, пасший ханских лошадей.
– Здравствуйте, молодец, – говорит старик. – Копыта твоего быка так сильно стерты, что без труда можно догадаться: долог и труден был твой путь. А вот куда он лежит – сам поведай.
– Была у меня жена-красавица по имени Наран-Сэсэг. Жили мы с ней в любви и согласии. Но однажды налетели люди хана южных владений и украли мою жену. С той поры я ищу ее по всему свету, – со вздохом закончил свой рассказ парень-пастух.
– Выходит, молодец, ты недалеко от своей цели, – заключил старик. – Потому что я пасу коней того самого хана южных владений. Видать я не видал, но слыхать слыхал, что в ханских покоях появилась год назад девица невиданной красоты. Молодые и старые скотницы говорят, будто она частенько наведывается к ним и рассказывает ту же историю, что поведал ты мне. Выходит – нашел ты свою жену. Сегодня поведу я на ханское подворье лучшего жеребца из табуна. Может быть, и удастся мне увидеться с Наран-Сэсэг, перемолвиться с ней словом.
– Тогда передай ей вот это колечко, – попросил парень, сняв со своей руки золотое кольцо.
Привел старый табунщик необъезженного жеребца на ханское подворье, а сам по сторонам поглядывает. Видит – сидит у решетчатого окна яснооkая красавица. Сразу понял старик, что это Наран-Сэсэг. Положил он на правую ладонь золотое колечко, сверкнуло оно рассветным лучом; положил на левую – блеснуло оно утренней зарницей. Увидала его Наран-Сэсэг и спрашивает:
– Дедушка, миленький, откуда у вас это колечко?
– Оттуда, где один славный парень своего сивого быка пасет, – отвечает старик.
– Пусть этот парень явится завтра же к дворцовым воротам в одежде нищего, – наказала Наран-Сэсэг и щедро одарила старика золотыми монетами.
Как услышал парень-пастух добрую весть от старика-табунщика, от радости покой и сон потерял. Еле дождавшись утра, оделся он поплоше, сел на своего сивого быка и отправился во дворец. Только подъехал к воротам, как набросилась на него стража и давай отгонять. Выглянула в окно Наран-Сэсэг и говорит:
– Под нашими окнами никому уже и пройти нельзя.
Выглянул вслед за ней хан и проворчал:
– Как он грязен и нищ! Я сейчас же прикажу затравить его собаками.
– Бурханом заклинаю – не делать этого! – взмолилась Наран-Сэсэг. – по доброму старинному обычаю убогого человека следует приветить, накормить и обогреть. Неужто вам корочки хлеба и глотка чаю жалко? – вконец обиделась красавица.
«Если она так добра к последнему нищему, то, может быть, и со мною будет поласковее», – подумал хан и велел впустить оборванца во дворец.
Привязал парень своего сивого быка к серебряной коновязи, переступил порог ханских покоев и сел возле двери.
Поставила Наран-Сэсэг перед нищим серебряный с позолотой стол. Стала угощать странника, как дорого гостя. Да так ласково с ним заговорила, так нежно, что хан от злости почернел и удалился за десять занавесок.
Угостила Наран-Сэсэг своего любимого на славу и с большими почестями проводила его за ворота.

Тут хан и высказал обиду.
– Ты за целый год, – говорит, – не сказала мне столько слов, сколько нежностей выслушал этот оборванец. Может быть, мне тоже стать нищим и тогда я смогу рассчитывать на твою доброту?
– Это самое мудрое решение, – нежно улыбнулась Наран-Сэсэг.
От этой улыбки хан совсем голову потерял.
– Верни оборванца! – кричит.
Вернула Наран-Сэсэг любимого мужа.
– Снимай свои отрепья! – приказал хан. – Побудь пока в моих одеждах. В них тебя не больно приголубят да приласкают.
Облачился хан в нищенское платье, а Наран-Сэсэг говорит ему:
– Садись на сивого быка и отправляйся в дальний путь. Через три дня ждут тебя у дворцовых ворот. Посмотрим, каким ты вернешься.
Выехал хан в лохмотьях, прикрывая лицо руками, чтобы неузнанным остаться, А Наран-Сэсэг строго-настрого наказала слугам: «Если с юго-восточной стороны появится оборванец, прикрывающий глаза руками, то знайте – это злой человек и расправа с ним должна быть короткой».
Два старших батора выкопали семисаженную яму, а самые знатные нойоны прикатили камень величиной с быка. На третий день появился хан. Крадучись, прикрывая лицо руками, пробирался он к своему дворцу. Но тут налетели на него баторы, сбросили в семи саженную яму и придавили сверху камнем величиной с быка.
– Это мы коварного врага одолели! Хитрющую лису перехитрили! – радовались нойоны, расходясь по домам.
А парень-пастух вернулся со своей женой Наран-Сэсэг на родину, и зажили они счастливо.